

НЕ МИРИТЬСЯ С ДУРЬЮ В ПЕДАГОГИКЕ!

И снова — слово самому Алексею Михайловичу, который не только создавал проекты и методики, не только вёл журналы и писал статьи, не только выступал с лекциями и возился с учениками, но иногда и давал интервью, в которых откровенно рассказывал о себе, своих корнях, системе ценностей, которой был верен.

Содержательный разговор получился и на двухдневной встрече с родителями и учителями в физико-математическом лицее № 31 г. Челябинска, состоявшейся благодаря инициативе директора Александра Попова.

• методика обучения чтению • интеллектуальное развитие • производственное воспитание • воспитание любви к языку • компетентность, технологичность, творчество • национальный приоритет

— Алексей Михайлович, как вы пришли в педагогику?

— Ещё в школе работал вожатым. Возился с малышами в лагере летом. Потом поступил в пединститут. На первой же лекции по педагогике преподаватель меня спросила: «Вот вы, молодой человек, куда пойдёте после института?» Я ответил, что буду работать на кафедре педагогики и психологии. Она дар речи потеряла от моей наглости. Потом, когда уже стал преподавателем, припомнила этот эпизод. На редкость конкретно входил в специальность. И неудивительно. Ведь я — педагог в восьмом поколении по материнской линии. Это выяснил мой дядя, который провёл генеалогическое исследование. Под Питером есть город Всеволожск, основанный в конце XVIII в. В центре городского парка — туристический объект, дача Хусу. На этом месте когда-то стояла школа, принадлежавшая моим предкам.

— Но вы-то работать в школу не пошли?

— Почему же? Есть у меня такой опыт. После института я работал

в школе-интернате № 4 Благовещенска. Это центр Амурской области. Мои навыки как тренера по карате обеспечили авторитет у мальчишек, а пару раз позволили сохранить здоровье.

— Чему научил интернат, кроме того, как заработать авторитет у подростков?

— Не мириться с дурью в педагогике. Однажды ко мне на урок военной подготовки пришёл методист из облоно — полковник. Мы трудились над автоматом Калашникова. Чтобы всем было видно, парты поставили буквой «П». Полковник в присутствии моих сорвиголов стал орать на меня, требуя поставить парты как положено. Мальчишки напряглись. Я понял: если сейчас подчинюсь, то с ними потом не справлюсь. Жёстко вытолкал полковника из класса и закрыл дверь изнутри. Были разборки вплоть до облоно. Но всюду есть умные люди, которые поняли, что по-другому было нельзя.

— Ваша карьера, когда пошла в гору, едва не увела из педагогики?

— Да, я был руководителем амурского центра НТТМ, заместителем председателя

горисполкома Благовещенска, депутатом областного Совета. Потом поступил в Академию народного хозяйства СССР, самую крупную бизнес-школу в то время. После её окончания уехал на учёбу в Америку. Наш выпуск называли президентским резервом. Когда мы поступали, знали, что будем распределены на высокие должности. Но ни один из моих сокурсников не был востребован. По сути, мы вернулись в другую страну, в которой кадровая политика стала принципиально другой.

— Но вы-то поработали всё-таки в Министерстве образования...

— Поработал. Однако недолго. Номенклатурные команды формировались тогда не по профессиональным качествам. Высшей логикой было распределение бюджетного пирога... А у меня возникли другие интересы — научно-практические. Быть может, в чём-то наивные.

— Почему вы занялись журналистикой и возглавили журнал «Народное образование»?²

— По стечению обстоятельств. И это, скорее, издательское дело. Отраслевая периодика предполагала педагогическую квалификацию. Кроме того, мой дед, уже по отцовской линии, тоже был издателем. Наверное, это судьба... И журналы издательского дома «Народное образование» стали для меня делом жизни, в которое я сразу поверил.

— Как появилась ваша методика обучения чтению, по эффективности которой нет равных?²

— Благодаря моему сыну. Вообще-то у меня семеро детей. Старшие уже получили техническое образование. А младшие — близнецы — ещё малыши. Так вот. Перед моей поездкой в длительную командировку мой семилетний сын достаточно бойко читал. И читал бегло, как взрослый. А после возвращения я обнаружил, что он читает

по слогам, быстро, как из пулемета. Почему-то учительница решила, что именно такое чтение развивает грамотность. Стал разбираться. Выписал из журнала «Начальная школа» около 160 приёмов обучения чтению. Рядом положил учебник психологии. И проанализировал каждый метод с позиции элементарных знаний. Например, чтение вслух по очереди. В классе сидят 30 человек, и все слушают, как мычит Вася. Это может быть интересно ребёнку? Нет. Вычёркиваю и так далее. В итоге остался один допустимый приём, вокруг которого возникла система работы. Потом вместе с амурскими учителями я развернул широкий эксперимент в школах области. И получил невероятные результаты. При пониженной нагрузке, без домашних заданий дети читали про себя, понимая текст, с темпом 300 и более слов в минуту к моменту окончания начальной школы.

— Но ваша методика оказалась невостребованной. Не надоело о ней рассказывать людям, которые не заинтересованы?²

— В советский период она была востребована. Тогда издательским монополиям могла противостоять партийная логика. Есть доказательства эффективности — получай, пожалуйста, зелёную улицу. При всех издержках, профессионалов поддерживали и к практическим результатам относились с уважением. Быть может, потому, что и в высоких кабинетах часто сидели именно профессионалы, знавшие школу не по книгам и по десятилетиям работы. Так была устроена система — неидеальная, но работавшая. Сейчас на страже сверхприбылей издательств стоит государство. Пока они не извлекут максимум прибыли из устаревших методик, ни одна новая система обучения не пройдёт. Минобрнауки практически заблокировало появление и развитие каких-либо новых решений. Инновациям разрешено расти из рук исключительно своих структур.

— В журнале «Народное образование» часто появляются очень острые публикации, в том числе и ваши. Не опасаетесь агрессивной реакции со стороны чиновников? Министра, например...

— Министра — нет, он достаточно умен. Острая публикация — это тест на интеллект для чиновника. Так выявляются дураки. А от них принято избавляться. Я свою профессиональную совесть и гражданский долг никогда не разменивал. Говорил и делал то, что думал. Ещё в 80-е годы на лекциях заявлял, что однопартийная система — это начало конца. В 80-е годы тотального подавления инакомыслия уже не было. Появилась некая система противовесов, которая позволяла каждому директору школы иметь и отстаивать свою точку зрения. Москва гордилась своим директорским корпусом, в котором были целые созвездия ярких, неординарных личностей, о независимости которых ходили легенды. Нынешний директор — принципиально другой человеческий материал, от которого ждут послушания. И, кстати, научились его добиваться. Не считаю это прогрессом. Хотя признаю, что некоторые вопросы легче решать в сообществе послушных управленцев-роботов.

— Вы по образованию преподаватель английского и немецкого языков. Странно, что ратуете в первую очередь за русский язык. Чем это объяснить?

— Вы ещё больше удивитесь, когда узнаете, что мать у меня финка, а отец — украинец. В сумме я получился русским. И язык, мышление, связанное с языком, оказалось главным фактором. Понимание своей принадлежности обостряется, когда живёшь в чужой стране. Я учился в США более года, там всё и понял. Например, то, что многонациональной стране требуется качественное национальное воспитание. И ничто нас не объединит надёжно и эффективно, кроме языка. Тем более я просто люблю русский язык. Восхищаюсь его выразительностью и мудростью. Впрочем, об этом до меня всё сказали классики: и Ломоносов, и Пушкин, и Тургенев. Мы о них писали и публиковали их размышления о родном языке.

— Вы — противник изучения иностранного языка с первого класса. Почему?

— Чтобы не тормозить интеллектуальное развитие ребёнка. И потом: зачем транжирить время ребёнка, если в пятом классе мы за один год достигаем тех результатов, которые даёт школа в течение трёх лет, занимаясь английским языком по три урока в неделю? Это вопрос методический.

— Вы подчас очень жёстко разговариваете с учителями. Говорите, что они совершают преступление. Почему?

— Просто всё привык называть своими именами. Разве я неубедительно объяснил, как и почему они гробят здоровье ребёнка? И ведь многие со мной согласились. Учитель обязан чувствовать свою ответственность за то, что он делает. И не ссылаться, что у него такая программа. Программы делают люди, а людям свойственно ошибаться... Одна программа ориентирована на интересы детей, а другая — лоббирует учебники определённой издательской группы. А это — коррупция. Почему мои дети должны быть заложниками интересов издательств и безнравственности учителей, для которых программа важнее ребёнка?

Новые стандарты образования, как и старый закон об образовании, дают учителю право самому выбирать методику обучения. Вот пусть и думает: сможет ли он работать эффективно, сохраняя здоровье детей, в рамках «своей» методики или нет?

— Чего не делает школа сегодня, по вашему мнению?

— Скажу о том, что считаю главным, о самой кричащей проблеме. Школа сегодня не учит ребёнка созиданию, не приучает к труду. Производственное воспитание делает человека состоятельным,

имеющим чувство собственного достоинства. А хорошо образованные бездельники — это завтрашние майданные революционеры. В западных странах хватает денег на сырых и убогих. Там никому не дают умирать на улице. Медицинскую помощь оказывают, дорогостоящие операции делают за счёт социального страхования. Оно у них богатое. Почему? Потому что доля высококвалифицированных рабочих, скажем в Швеции, не ниже 50 процентов. А у нас не больше 5 процентов. Узбеки, киргизы и таджики, которые едут к нам, высокой квалификацией не обладают. Школьников настраивают на исследовательскую деятельность (замечу, не высокого уровня!), а станут они офисным планктоном.

— Вы с пессимизмом смотрите в будущее?

— Нет. Если бы я был пессимистом, у меня не было бы столько детей. Есть отдельные островки, которые я называю зонами роста. Вот техосмотр из ГИБДД переключался в сервис, как и во всём мире, между прочим. И исчезла почва для коррупции. Минобрнауки объявило конкурс на лучшую инфраструктуру производственного воспитания в школе. Это тоже шаг вперёд.

Вот мы с челябинскими учителями возьмём и перейдём на природосообразную методологию обучения. И, кстати, внесём существенный вклад в увеличение продолжительности жизни. И такие очаги будут возникать — один за другим. Если мы не будем сидеть сложа руки.

Амурская земля

— Алексей Михайлович, вы давно уехали из Благовещенска. Бываете на Амурской земле или следите за тем, что там происходит, по новостям?

— Амурская земля для меня как неизлечимая болезнь. Уехал — как не уехал. Тянет назад. Да и разрыва-то полного не было. В Благовещенске живут друзья, родственни-

ки, ученики. Там каждый год проводят лето мои дети. Сколько раз уезжал — столько раз находил повод вернуться. Что ж не вернёшься, спрашивают меня иногда лукаво, если такой патриот-дальневосточник?! Всё просто! Чтобы принять такое решение, надо, чтобы масштаб задачи был крупнее в сравнении с тем, чем я занят. Кроме того, вернуться — обязательно значит присутствовать физически. Вы спрашиваете, слежу ли я за новостями? Не слежу, а активно работаю над их производством. Думаю, есть и мой небольшой вклад в то, что вектор внутренней политики России всё больше приобретает восточную «ориентацию». Уверен, что на берегу Тихого океана будет заложен новый город с населением в несколько миллионов жителей. Я не считаю беспочвенными разговоры о новой русской столице на Дальнем Востоке.

— Какие перемены видите?

— Перемены есть. Но не к лучшему. Рост производства ничтожен, молодёжь не видит перспектив жизни в Приамурье. Народ остаётся в депрессивном состоянии. Удручающее впечатление производит село. Власти не способны даже сформулировать новые смыслы жизни, не говоря уже о том, чтобы эти перспективы выстроить. Хотя в последние годы кадровая политика губернатора стала более конструктивной. Но этого мало. Нужна принципиально новая идеология созидания.

— В своё время вы открыли первую на Дальнем Востоке школу единоборств. Как относитесь к тому, что сейчас некоторые организации, занимающиеся восточными единоборствами, участвуют в бизнесе и политике?

— Назовём это правильно: не первую! Это была действительно школа в смысле наличия в ней воспитательной составляющей, и начала она работать в 1976 г. И мне есть чем гордиться, вспоминая ребят, прошедших эту школу. Вы наверняка имеете в виду спортивные клубы

и объединения, которые работают в Благовещенске. Давайте отдадим им должное. В годы, когда власть утратила возможность развивать спорт, именно самостоятельное спортивное движение компенсировало нам системные потери. Приход людей, способных к самоорганизации, в бизнес и политику — процесс закономерный!

Хоть кол теши

— Вас можно назвать человеком мира. Родились в Карелии, детство провели в Белогорске, учились и работали в Благовещенске, затем — в США и в Москве. Чем амурчане отличаются от людей в других регионах?

— Человеком мира меня назвать нельзя. Я настолько укоренён в русском мироощущении, что смотрю на мир исключительно сквозь призму этой принадлежности. Я, если хотите, русский националист, хотя по крови наполовину финн. А свою украинскую половину отделить от русской почвы не могу, хоть кол на голове теши. Никакие новые границы и разного рода обоснования историчности «незалежности» не убеждают меня в том, что русские и украинцы не из одной колыбели. Только не надо вкладывать в понятие «националист» пошлые смыслы. В британских словарях «националист» — патриот, а в нашем языке на это слово навесили ярлыки. Чего стоит лукавое усердие по «воспитанию толерантности»? Мне, русскому человеку, предлагают быть толерантным, то есть терпимым, по отношению к татарину, к чеченцу, к лезгину, к еврею, к эвенку... Да я не могу быть терпимым, беспристрастным, равнодушным к брату, связанному со мной столетиями общего бытия. Я любопытен, пристрастен и, главное, уважителен к любому человеку, живущему рядом.

Я уклонился от ответа на вопрос о «национальных особенностях» амурчан. Дом любого дальневосточника в Москве на долгие годы становится бесплатной гостиницей для сотен друзей и родственников. Это позволяет не отрываться от корней, быть в курсе всего и оставаться больным «дальневосточным синдромом».

— Расскажите о журнале «Народное образование». С чем сейчас связана ваша работа?

КАКИМ ОН БЫЛ

— «Народное образование» — журнал непростой! 204 года истории — ноша немалая, ко многому обязывает. Шаг вправо, шаг влево — расстрел! Есть традиция, которую сложно вписывать в современный рыночный быт. Этот журнал по определению не может конкурировать с прагматичными изданиями на злобу дня. У него принципиально другая задача — не отражать случившееся, а проектировать будущее. Уже десять лет мы настойчиво укореняем в профессиональном сознании простую мысль о том, что только гармонизированная с природным устройством ребёнка школа имеет право на существование. Любая другая школа «жрёт» здоровье наших с вами детей. Простой пример 100% детей от рождения двухполушарны, а школа учит их на 90% в левополушарном режиме. Спросите любого районного психоневролога, что будет в результате 10 лет депривации правополушарного функционала психики и перегрузки левополушарного... Пока для нашего учителя Программа важнее Ребёнка — наши дети будут болеть! Вторая задача, которую мы ставим перед собой, — это необходимость осознания того, что русский язык — это не учебный предмет в ряду других предметов. Это содержание принципиально другого уровня общности. В рамках образовательной области «Русский язык» школа решает узкую задачу знания грамматики. Нужен принципиально другой — методологически и технологически — подход к русскому языку в школе. Мы должны заменить парадигму «грамматической шагистики» на воспитание любви к языку.

Язык не поворачивается

— Образование — государственный приоритет. Целый нацпроект реализуется. Толк будет?

— Хотелось бы сказать что-нибудь хвалебное в адрес руководителей страны и отрасли. Но язык не поворачивается...

Нацпроект — это когда народ совершает действие, выходящее за пределы национальных интересов. Совершается существенный вклад в мировое развитие. Например, «русский атом», «русский космос», «русская БАМ», «русская столица на Балтике», наконец. И вдруг «национальным проектом» становится увеличение производства молока и мяса, улучшение материально-технического снабжения больниц, расширение жилищного строительства, что можно было бы делать в рабочем порядке в рамках повседневных обязанностей. Что касается образования, то и здесь повседневные обязанности возведены в ранг национального проекта. Есть упование на некий неопределённый системный эффект: вот поощрим, поддержим, раздадим...

Подключить все школы к Интернету. В Европе это сделали молча. В Америке тоже. Было бы чем удивить весь мир, это был бы нацпроект. Поставить школьные автобусы в сельские школы на общую сумму 1 млрд руб. В чём доблесть? Оснастить школы учебным оборудованием на общую сумму не менее 2,3 млрд руб. Так оснащали бы тихо, чтобы не было стыдно за то, что так долго не оснащали...

— В те годы, когда вы от общественной деятельности переходили к работе в горисполкоме, в мэрии Благовещенска, был такой фильм — «Легко ли быть молодым?». Когда вам было труднее — тогда или сейчас?

— Моё поколение всё ещё считает себя молодым... Мы революционно преодолели социальную дистанцию огромного размера. Это наполняет жизнь смыслами и ответственностью. Нам повезло и не повезло. Повезло с системой координат. Она была! Не повезло с вектором цели. Наши сыновья, тоже молодые люди, живут в системе неопределённых ценностных координат. Отсюда их проблемы. Поэтому первое, что мы должны дать молодёжи, — идеологию! Не в политическом смысле, а в смысле «зачем живу». Путин на заре своего президентства

чётко высказался в том смысле, что хватит болтать про национальную идею, для нас в этом смысле всё определено: надо осваивать и обустривать собственную страну. Это и есть задача для молодёжи! Меня мало интересует судьба той молодёжи, что рассуждает на тему: а что мне дала эта страна? Таких — потребительски ориентированных — почему-то неожиданно много! Им всегда было трудно — и тогда, и сейчас. Это ж мука — ждать: дадут, не дадут? А есть в подлинном смысле золотая молодёжь — эти мучаются вопросом: а как я мог бы послужить Отечеству? И служат как могут! Таким было всегда легко!

Метод будущего

— Сейчас в основе обучения лежит лингвистика: дети учат слова, грамматические формы, правила и т.п. А нужно положить в основу другой подход: сделать обучение иностранному языку природосообразным, основанным на природных законах развития речи или, говоря по-научному, речевого генезиса. Тогда эффективность обучения возрастает на порядок.

— Боюсь, для неподготовленного читателя это звучит слишком сложно и абстрактно...

— Пожалуйста! Можно и поконкретнее. Как развивается речь на родном языке? Сначала возникает понимание того, что говорят другие. Потом постепенно появляется способность реагировать междометиями, отдельными словами, фразами. И только когда пассивный словарный запас уже достаточно высок, возникает более или менее нормальная речь. Скажем, пятилетний ребёнок абсолютно свободно понимает речь взрослых, но пересказать может лишь небольшой текст. То есть его собственная речь значительно уступает пониманию чужой. Или возьмём годовалого ребёнка. Он показывает пальчиком по просьбе взрослых на массу

разных предметов, а говорить почти не умеет. Если эта закономерность известна психологам, то отчего же обучение иностранному языку начинается с говорения? Зачем детей натаскивают на произношение каких-то отдельных фраз? Не лучше ли сперва довести способность понимать до такого уровня автоматизма, который наблюдается у ребёнка в родной речи к тому моменту, когда человек уже начинает активно говорить сам? Это протоптанная природой тропинка развития речи. Зачем идти каким-то другим путём? Дети, начинавшие изучать иностранный язык по нашей природосообразной методике с пятого класса, занимались всего по два часа в неделю, но в выпускном классе владели языком так, как владеет им специалист технического перевода, окончивший среднее специальное учебное заведение. Согласитесь, для массовой школы это вполне приличный уровень.

— *Расскажите поподробнее о своей методике.*

— Ещё в 70-е годы, учась на факультете иностранных языков, я с ужасом ощутил на себе неэффективность методов обучения. Тема меня очень «зацепила», и я начал работать в данном направлении. Сперва создал методику обучения детей чтению на родном языке, а затем, уже в конце 80-х годов, когда я организовал в Амурской области лабораторию технологий обучения, мной была создана методика обучения иностранному языку. Алгоритм её таков. В полном соответствии с природной логикой формирования речи мы сперва сосредотачиваемся на понимании ребёнком иностранной речи. Но для того, чтобы понимать речь, нужно создать языковую среду. Попытки создать её по образу и подобию естественной языковой среды заканчиваются провалом, поскольку за два урока в неделю никакой среды не создашь. Разве это настоящая языковая среда, когда учитель говорит ученику какие-то тривиальные фразы, а тот ему с грехом пополам отвечает? Это просто обмен примитивными репликами. Да и сколько времени может уделить учитель ученику на уроке? Давайте подсчитаем: если в группе десять человек, а урок длится сорок минут, то на одного ребёнка выходит не более трёх-четырёх минут, чтобы он что-то «прокукарекал» на английском. В массовой

школе — два урока английского в неделю. Значит, на каждого ученика придётся в неделю шесть-восемь минут... Ну, ещё домашние задания... Но всё равно пятнадцать-двадцать минут, даже полчаса в неделю не могут изменить ситуацию! Поэтому нужен был другой подход. Мы создаём плотную языковую среду с помощью интенсивного чтения на иностранном языке.

— *Каким образом?*

— Прослушивая плёнку, на которой записана хорошо артикулированная речь диктора, ребёнок держит перед собой текст. В результате он не может читать неправильно, потому что слышит только правильные образцы. А чтобы чтение не было бессмысленным, ему дан полный подстрочный перевод. Человек, умеющий нормально читать, схватывает одновременно и английскую фразу, и подстрочный перевод. Полное понимание обеспечивается с первого раза. И все сорок пять минут каждый ребёнок, повторяя за диктором, учится артикулировать, постепенно доводя произношение иностранных звуков и слов до автоматизма. Разработкой артикуляционной готовности мы занимаемся в течение двух лет. Два-три урока в неделю непрерывно артикулируют все дети. Таким образом, конечно, достигается неизмеримо большая плотность языковой среды, чем на обычном уроке.

— *А для чего нужно доводить до высокого уровня автоматизма артикуляцию?*

— Чтобы заработали произвольные процессы. Без этого невозможно достичь хорошего уровня владения иностранным языком. Почему речь человека на родном языке интенсивно развивается не только тогда, когда он говорит сам, но и когда он слушает других? Потому что работает артикуляционное эхо — произвольный автоматизм.

Он играет колоссальную роль в овладении родным языком. Создать его в рамках традиционной модели обучения иностранному языку практически невозможно: слишком мало времени отводится на одного ученика. А тут артикуляционная функция доводится до совершенства. При этом, благодаря подстрочному переводу, достигается полное понимание, а значит, детям интересно читать. Экзамен в шестом классе выглядит так. Ребёнок берёт с полки любую книгу — детскую, но неадаптированную — и бегло, с достаточно хорошим произношением читает её вслух с любого места. За два года, занимаясь только артикуляцией, я действительно могу вывести ребёнка на уровень психофизиологических автоматизмов, т.е. я задействую правополушарные функции, которые обычно остаются вне тренинговых процессов, потому что недостаёт плотности языковой среды. За тридцать часов в неделю можно было бы создать плотность обычными методами, но у нас-то в неделю всего два-три часа иностранного языка!

— Хорошо. Это первый этап. А второй?

— Седьмой и восьмой классы полностью посвящаются лексическому аспекту. Выглядит это так. Перед ребёнком лежит неадаптированная книга на английском языке. За первые два года, благодаря чтению с подстрочником, его лексический запас существенно вырос: на самом деле он гораздо больше, чем у обычного десятиклассника. Теперь же подстрочника перед глазами нет, а вместо него звучит литературный перевод. Поскольку восприятие литературного языка образно-эмоциональное, тут задействуются сразу оба полушария: человек не только понимает смысл, но и переживает, если книга интересная. В результате английский текст тоже воспринимается ребёнком не на уровне отдельных слов, а накладывается на образно-эмоциональную, динамическую картинку, которая продуцируется у него в голове литературным переводом. После двух-трёх занятий ребёнок уже научается сопоставлять английскую фразу с этим образно-эмоциональ-

ным эквивалентом, и ему совсем не трудно догадаться, какое слово как переводится. В руках у ребёнка карандаш, которым он фиксирует те слова, которые ему помог понять литературный перевод. В конце каждого урока устраивается словарный диктант. На экзамене за восьмой класс ребёнок должен перевести с листа любой фрагмент неадаптированного художественного текста, соответствующего его возрасту. Ну, а на третьем этапе обучения, наоборот, звучит английская речь, а в руках у детей — текст на русском языке. И примерно в середине девятого класса дети закрывают русский текст, потому что они уже свободно понимают английскую речь на слух. Значит, к концу девятого класса мы уже свободно артикулируем по-английски, свободно переводим с листа без словаря любую английскую книжку и свободно понимаем звучащую английскую речь. Но мы ни дня не занимались говорением. Те же дети, которые все эти годы обучались по традиционной методике, всё время занимались говорением, пересказами и выучили сколько-то топики. Пусть даже целых 50 штук! Но они не могут свободно переводить без словаря, не понимают, что говорит по радио английский диктор... Совершенно очевидно, что в целом уровень владения английским нашими ребятами гораздо выше. В течение последнего года обучения они уже занимаются говорением и осваивают грамматику. Естественно, при такой солидной базе, какая в них уже заложена, им это делать несложно.

— Где «обкатана» ваша методика?

— В Амурской области и в некоторых других местах. Я знаю примерно 20 специалистов, активно работающих по этой методике.

— А почему нет широкого внедрения?

— Наша внедренческая система никак не связана с критериями эффективности методик. Она ориентируется исключительно на издательские интересы.

А издательству, пока у него не распроданы большие тиражи старых учебников, невыгодно печатать новые. Это такая же психология, как у владельцев компаний сотовой связи, которые говорят: «Пока мы не извлечём максимум прибыли из старой технологии сотовой связи, мы не пустим на рынок новые технологии». Да ладно, методика обучения иностранному языку никому не нужна! Точно так же не нужна моя методика обучения чтению на родном языке, благодаря которой ребёнок к концу начальной школы только на уроках, без домашних заданий и при снижении нагрузки прочитывает не четыре книжки «Родная речь», а 60–80 томов детской литературы! Эта методика давно опубликована, с успехом проверена примерно на ста тысячах детей, но такое массовое внедрение прошло незамеченным для системы образования. Нет, чиновники из Министерства образования и члены Российской Академии Образования, конечно, знают о существовании моей методики, но никто палец о палец не ударил, дабы сделать её общедоступной.

— *Алексей Михайлович, говорят, вы покупаетесь на самые основы принятых нынче в школе методик обучения детей чтению. Ниспроверяете даже «классику» начальной школы, вроде «мама мыла раму» или «папа купил Пете пенал». Незатейливые, конечно, сентенции, но ведь через них приходили к грамотности поколения и поколения в нашей стране...*

— Я не занимаюсь устройством революций, не ставлю целью разрушение чьих-либо теорий. Напротив, предлагаю привести обучение чтению, а если шире — в целом обучение в школе, в полное соответствие с природным устройством ребёнка, и опираюсь при этом на принципы проверенной веками народной педагогики. Потому и возник термин «природосообразность обучения и воспитания».

Давайте посмотрим, что происходит, когда ребёнок приходит в первый класс и его начинают обучать чтению. Сразу определимся: цель традиционной или другой бытующей в школе методики — формирование навыка чтения, а собственно чтение является отсроченным и весьма отдалённым событием. Ребёнку предлагается огромный объём подготовитель-

КАКИМ ОН БЫЛ

ных упражнений, его заставляют многократно прочитывать по слогам короткие и примитивные букварные тексты. О понимании, тем более переживании прочитанного, и речи нет. Словом, он выполняет бездумную, механическую работу, смысла которой он не понимает. Период овладения приемлемой техникой чтения растягивается на годы. И каков же результат? Если в школу большинство детей приходят, любя книгу, то к третьему классу чуть ли не ненавидят её и чтение тоже.

В нашей системе цель принципиально другая: воспитание Читателя. Считаем, что чтение как любой феномен человеческой жизни должно войти в бытие ребёнка в полноценном виде, а не как его этапный суррогат. К 6–7 годам ребёнок уже прекрасно знает: люди читают для того, чтобы воссоздать события, узнать новости... От этой зрелой установки и надо отталкиваться.

Поэтому содержанием и предметом урока чтения у нас становится само чтение. Мы не имеем дела с тренировочными и адаптированными текстами, а читаем исключительно высокохудожественные оригинальные произведения. В начале используется детская поэзия, которая ребёнку хорошо знакома и понятна: Маршак, Чуковский, Михалков, Маяковский, Барто. Потом, начиная со II четверти первого класса, появляются предметные циклы на основе художественных текстов. Ориентировочно это «Родное слово» — сказки, фольклор, детская классика, исторические, географические, приключенческие произведения. На уроке не работаем с произведением, а живём вместе с героями рассказа, сопереживаем им или вникаем вместе с автором в суть проблемы. При этом главное — чтобы ребёнок понимал и переживал прочитанное. Критерием понимания как раз и является **переживание**. Мы исходим из того, что цель урока чтения — потрясение души, её пробуждение. И эта

цель восходит к истокам народной педагогики и религиозного воспитания. Если ребёнок не переживает глубоко, если он, как логическая машина, что-то усвоил, но сердцем и душой не откликнулся, то для нас это потерянное время.

— *Всё это хорошо, но ведь техникой чтения всё равно овладевать надо...*

— Я не буду вдаваться в нюансы нашей методологии, она достаточно подробно описана в специальных изданиях. Разумеется, есть период знакомства с буквами, есть кубики, магнитная азбука и разного рода операции с ними... Но бессмысленной подготовительной работы, которая растягивается на годы, у нас нет, бездумного механического чтения тоже — мы просто не нуждаемся в таких методах. Работа над навыком чтения идёт непрерывно, но это скрытая сторона нашей деятельности. Она происходит за кадром основных событий урока, а дети полностью погружены в процесс восприятия и переживания художественного или информационного материала. В перипетиях сюжета, сопереживания героям, причащения к Слову мастера, как бы между прочим, отдельными фрагментами формируется навык чтения. Так мы и будем действовать дальше — приращивать навык маленькими кусочками, не обременяя ребёнка действиями, которые отняли бы всё его внимание от содержания... Постепенно, шаг за шагом, ребёнок словно вырастает в чтение.

И тут я должен сказать ещё об одной важной особенности системы, которую мы предлагаем: у нас очень высокий уровень мотивации. Каждый наш урок построен на внутренней заинтересованности ребёнка. 80% рабочего времени в моём случае базируется на произвольных психических процессах, то есть на тех, которые не требуют больших внутренних усилий от ребёнка — он как бы произвольно вовлекается в учебный процесс. Возьмём любую другую систему и увидим: там, наоборот, 80–90% времени ребёнок работает на произвольных процес-

сах. А они очень энергоёмки, быстро утомляют ребёнка.

А теперь несколько слов о результатах обучения по нашей системе. В первом классе осваивается как минимум стандарт не только первого, но и второго класса. По темпу чтения про себя, хотя это для нас последний по значимости критерий, мы на выходе из начальной школы имеем не менее 300 слов в минуту. А в традиционных системах — в два, в три раза ниже. Но самое главное — мы влюбляем детей в книгу, в чтение, и это — на всю оставшуюся жизнь. Если обычно дети за три года осваивают три книжки на уроках и плюсом дома немножко, то мы только на уроках прочитываем минимум 50–60 книг: 10 в первом классе, 15–20 — во втором и 20–30 — в третьем. Причём это литература самой высокой пробы, том за томом из Библиотеки мировой литературы для детей. То есть закладываем огромный потенциал будущего развития человека, духовного и интеллектуального... Вот таков результат обучения, если оно находится в гармонии с внутренним устройством ребёнка, если оно природосообразно.

— *Расскажите, как создавалась ваша система?*

— Она была разработана примерно в течение года, в 1985 г. В то время я был аспирантом, учился в МПГУ имени Ленина в Москве. А экспериментально система впервые была апробирована двумя годами позже, в 1988-м мы задействовали уже несколько экспериментальных классов. И в 1990-м это была уже целостная, разработанная до деталей, досконально выверенная концепция урока чтения. А происходило всё в Благовещенске Амурской области — я там жил. Сегодня практически вся моя родная область обучает чтению по этой методике, да и по всей России и за её пределами у меня тысячи последователей. Есть они и в вашей области.

— *А почему именно чтение вы поставили во главу угла?*

— Потому что это базовое, ключевое умение всего образования. Это главный учебный навык, системообразующий. Он предопределяет успешность обучения на всех последующих ступенях и вообще интеллектуальные перспективы человека. Любящий книгу и хорошо читающий ребёнок учится сам, он автономен, независим, требует меньшего управления со стороны учителя.

Однако принципы, найденные в ходе этой работы, оказались универсальными, они применимы для развития любых функций: чтения, письма, музыкальных навыков, математических. Это понятно: работать научно можно и нужно в любом предмете.

— *Вот вы говорите: 60 книжек за три года. Не многовато для таких маленьких? Как быть с учебными перегрузками, которые стали настоящим бичом современной школы?*

— Да, нам говорят иногда: зачем так много информации, такие объёмы, такие темпы, а вдруг это повредит? Директор одной московской школы и вовсе поверг меня в изумление: «А зачем нам такое хорошее чтение, у нас дети рабочих учатся, им это ни к чему».

Вот вам простейший аргумент в споре по поводу информационных перегрузок. Есть мальчик Саша, он читает с трёх лет, имеет в доме три телевизора, пару компьютеров, фонотеку, видеотеку, библиотеку, дедушку с бабушкой, которым нечем заняться, кроме как внуком, посещает музыкальную, художественную, спортивную школы, каждое лето уезжает на море. И есть мальчик Коля, у которого ничего этого просто нет, и вообще большую часть жизни он проводит в круглосуточном садике. По информационной насыщенности Сашина жизнь в десятки раз превосходит параметры жизни Коли, но можно ли говорить о перегрузках?

Нет, дело вовсе не в напряжённости внешнего информационного поля, дело в способах и скорости подачи и восприятия информации,

КАКИМ ОН БЫЛ

а ещё — в мотивации личности. Нет и не может быть перегрузок, если дети после звонка с урока не бегут на перемену, а просят: давайте ещё почитаем... Именно так происходит на наших уроках. Причины у перегрузок иные: скука, беспредметность занятий, отрицательные эмоции и так далее.

Перегрузки, переутомление возникают там и тогда, где и когда учитель идёт против природного устройства ребёнка. Потому что в этом случае вы вольно-невольно гнёте ребёнка, ломаете его, а он сопротивляется, и вы, естественно, перегружаете его. Обучение в таком случае получается не благодаря, а вопреки.

Более того, у нас учебная нагрузка снижена по сравнению с обычной, потому что домашних заданий по чтению не задаём вообще. Всё происходит только на уроках. В отличие от традиционных методик обучения, при которых ребёнок идёт домой с объёмными домашними заданиями. Смысл их в том, чтобы подключить к процессу обучения ещё и родителей и с их помощью если не научить, так заставить детей читать. Бессилие школы восполняется родительским кнутом и пряником.

— *Извечная проблема чтения, конечно же, волнует родителей, прежде всего родителей дошкольников. Дело в том, что в иную школу, особо «продвинутую», престижную, не умея читать, попасть трудно: под видом тестирования или собеседования budding первоклассников сортируют «по способностям»...*

— Это как раз и есть отражение убогости той педагогики, о которой мы говорим. Если школа не может научить ребёнка читать, то она вынуждает к этому родителей и идёт по пути отбора детей. Более того, обставляет это как своего рода конкурентную ситуацию. На самом деле школа не имеет права

требовать от ребёнка, чтобы он умел читать до школы, это я вам ответственно заявляю как сотрудник Министерства образования.

К сожалению, наша официальная система действительно падка на всякого рода «дифференциации», классы для умных и не очень умных, которых надо «подкорректировать», «выровнять». Хотя никаких точных критериев для классификации «по способностям» не существует. И за способных, тем более — одарённых, часто принимают лишь особо натасканных детей... Ну что тут можно сказать? Когда методика не в силах решить проблему разных уровней развитости технологически, то она идёт по пути селекции. В своё время по пути селекции шли фашисты...

Дети должны учиться все вместе, в своих естественных соотношениях. Могу сказать, что учителя, работающие по моей системе, отбором не занимаются: им это не нужно. Сам способ работы таков, что сильный ребёнок не вызывает у слабого комплекс неполноценности, а слабый не тормозит сильного. Каждый работает в свою мощност, на своём уровне развитости. И даже если в классе будет сидеть парочка детей с задержкой психического развития, то это хорошо. Это имеет огромное воспитательное значение, помогает детям выстраивать взаимоотношения адекватно, человечно, нравственно.

— И всё-таки какой совет дадите родителям: учить детей читать до школы или не учить?

— Я уже говорил, насколько важен и ответственный этот навык. Так что лучше бы родители за эту задачу не брались, а доверили специалистам, очень легко здесь наломать дров.

У родителей другая задача — сделать ребёнка увлечённым, преданным книге читателем. Путь к этому один — читайте ребёнку книги вслух. Вообще, читать надо до 16, до

17 лет. Он уже и не ребёнок вроде, а читать всё равно надо. Семейное чтение — ключ к нормальному взаимопониманию между родителями и детьми, это я вам как психолог говорю.

— Итак, вы разработали методику, в вашем исполнении она эффективна. Но вот она попадает в руки другого учителя, тот «творчески» пропускает её через себя, что-то подправляет, от чего-то отказывается и... благополучно проваливает...

— Вот против такого «творчества» я категорически возражаю. Методика — это чётко описанный способ действий. Она сама по себе гарантирует результат, потому что научно обоснована и не единожды проверена практикой. Учитель в такой ситуации должен в точности выполнять указания «инженера», то есть автора методики, только тогда возможен полноценный результат. Вообще меня очень тревожит засилье «творчества» последнего 10-летия. Все стали повально творческими, а элементарной компетентностью не вооружены. Чуть не каждый стремится отметить своё имя не больше, не меньше — «авторской программой», которая в научном смысле зачастую несостоятельна, потому что делается по тому же принципу: творчество вместо компетентности. Я всегда говорю: творчество — дело хорошее, но если выбирать, что должно быть раньше — творчество или компетентность, то и сомнений нет: конечно, компетентность. Если, например, учитель мучительно учит ребёнка читать по слогам — ма-ма мы-ла ра-му, — то как бы творчески это ни обставлялось, он делает нечто убогое по компетентности. То есть творчески занимается глупостью. Поэтому компетентность — это задача номер один для учителя, технологичность — номер два, и творчество — три, когда учитель, уже на основе высокой компетентности, начинает варьировать учебный процесс, абсолютно точно зная при этом, как те или иные педагогические действия соотносятся с природными свойствами ребёнка.

— Сегодня мы с вами говорили по преимуществу о проблемах чтения. Но оно лишь небольшая часть вашей концепции «природосообразной педагогики». В основе её, по вашим словам, возвращение к корням: народной педагогике, природному устройству ребёнка. Как воспринимается она в школе?

— Думаю, в целом природосообразная школа — перспектива для России неблизкая. Это в большей степени проблема общественного сознания, преодоления накопившихся тенденций, чем проблема, например, материальной базы. Хотя технологические ресурсы накоплены сегодня немалые, и их внедрение, полагаю, дало бы нам опережение мировой практики лет на двадцать пять.

Любопытно, какое значение проблеме раннего чтения придадут за рубежом, в развитых странах. Президент Клинтон с гордостью объявляет на весь мир: всё детское население Америки должно к шести годам уметь читать. И это не декларация, программа подкрепляется средствами, сопоставимыми с бюджетом всей нашей системы образования. То есть столь домашняя, казалось бы, проблема находится в числе важнейших национальных приоритетов. Это тот случай, когда нам стоило бы взять пример с Запада, тем более что тех-

КАКИМ ОН БЫЛ

Встреча на Челябинском ТВ

нологически мы значительно ближе к реализации этой задачи.

Как бы то ни было, я верю, что российское могущество будет в следующем веке прирастать *школою*. Иначе просто быть не может. И очень рассчитываю на усилия многих и многих, таких же, как я, фанатов российского триумфа. **НО**

Текст подготовлен: Светлана Журавлёва,
mediazavod.ru